

1. Наступление Рейгана (1982—1983 гг.)

Продолжая соревнование с СССР на ниве стратегических ракетных вооружений, администрация США решила резко интенсифицировать противоборство в других сферах, одновременно нанося удары по экономике СССР. В ноябре 1982 г. вышла директива президента NSDD (Директива по защите национальной безопасности) № 66. Она провозглашала, что цель политики США — подрыв сырьевого комплекса СССР². Другая основополагающая директива NSDD-75, принятая в январе 1983 г., шла еще дальше. Она предусматривала дополнительное финансирование оппозиционного движения в странах Восточного блока в размере 108 миллионов долларов. По словам одного из ее авторов Р.Пайпса, директива «четко формулировала, что нашей следующей целью является уже не сосуществование с СССР, а изменение советской системы. В основе директивы лежала убежденность, что изменение советской системы с помощью внешнего нажима вполне в наших силах». Директива формулировала, что «США не будут участвовать в улучшении состояния советской экономики и в то же время сделают все, чтобы ограничить пути, ведущие к этой цели...»³ Прямая помощь Америки в улучшении советской экономики после провала разрядки уже не стояла на повестке дня, но грозное дополнение «сделают все, чтобы ограничить пути» означало тайную экономическую войну. «Замысел заключался в том, чтобы сделать ставку на нашу силу и их слабость. А это означало — делать ставку на экономику и технологию», — вспоминал министр обороны США К.Уайнбергер⁴.

Внезапно «заболев марксизмом», Рейган утверждал: «постоянный спад экономического развития и рост военного производства ложатся тяжелым бременем на плечи советского народа. Мы видим, что в СССР политическая структура не соответствует экономической базе, что производительные силы общества сковываются политическими силами»⁵. Если бы Рейган верил в это теоретическое построение всерьез, ему следовало бы способствовать развитию экономики СССР, чтобы она «взломала» политические оковы. Но президент США взял курс на подрыв «производительных сил» противника, чтобы придать изменениям в СССР катастрофический или, выражаясь словами Рейгана, революционный характер. Здесь президент также продолжал рассуждать в марксистском стиле: «В каком-то ироническом смысле Карл Маркс был прав. Мы наблюдаем сегодня великий революционный кризис, когда экономические требования вступили в прямое противоречие с требо-

ваниями политическими. Однако этот кризис созрел не на свободном немарксистском Западе, а в самой цитадели марксизма-ленинизма — в Советском Союзе... Постоянный спад экономического развития и рост военного производства ложатся тяжким бременем на плечи советского народа. Мы видим, что в СССР политическая структура не соответствует экономической базе, что производительные силы общества сковываются политическими силами⁶. При всей справедливости этих слов, нельзя не вспомнить, что и в истории США было немало периодов, когда падение производства сопровождалось ростом военных расходов. Но если прежде СССР стремился усугубить своими действиями «революционный кризис» в Америке, то теперь США взяли на вооружение марксистско-ленинскую стратегию. Танующие поменялись местами.

По оценкам западных финансовых кругов валютные запасы СССР составляли 25—30 миллиардов долларов⁷. Для того, чтобы подорвать экономику СССР, американцам нужно было нанести «внеплановый» ущерб советской экономике в таких размерах — иначе «временные трудности», связанные с экономической войной, амортизировались валютной подушкой изрядной толщины. Действовать нужно было быстро — во второй половине 80-х гг. СССР должен был получить дополнительные вливания от газопровода Уренгой-Западная Европа.

Одновременно США продолжали ужесточать технологическую блокаду СССР, надеясь остановить добычу энергоносителей на новых месторождениях и нанести ущерб другим отраслям советской экономики. Американцы даже подбрасывали технологическую дезинформацию и бракованные детали. Дело доходило до остановок предприятий из-за таких «экономических диверсий». В 1975 г. 32,7% наименований экспорта из США в СССР составляли высокие технологии (общая сумма 219 миллионов). В 1983 г. эти показатели снизились до 5,4% и 39 миллионов. В 1983 г. таможенники западных стран задержали почти полторы тысячи нелегальных технологических пересылок на сумму 200 миллионов долларов. Но остановить вывоз технологий в СССР не удалось. Зато, по справедливому мнению П.Швейцера, под предлогом борьбы с Советским Союзом США добились контроля за движением технологий во всем мире⁸. Это господство можно было использовать в своих экономических интересах, что было немаловажно в условиях экономического кризиса.

После прихода к власти в СССР Ю.Андропов предпринял несколько шагов, которые должны были продемонстрировать готовность страны к разблокированию наиболее острых международных кризисов. Это касалось и ракетной проблемы, и Афганистана, и Польши (31 декабря здесь было приостановлено и 22 июля отменено военное положение). В декабре 1982 г. Андропов заявил о готовности сократить количество советских ракет, а в марте 1983 г. — демонтировать все ракеты средней дальности, за исключением числа, соответствующего количеству британских и французских ракет. «Андропов, как и Громыко, в отличие от эмоционального Устинова, не был сторонником конфронтации с США, но считал Рейгана опасным человеком, который может своими действиями вызвать военный конфликт между

ду США и СССР, — считает А.Добрынин. — Отсюда постоянная личная настороженность Андропова в отношении Рейгана и поддержка им военной готовности СССР, хотя, думаю, если бы конкретная международная обстановка позволила, он пошел бы на серьезные договоренности с Вашингтоном, особенно в области ограничения ядерных вооружений... “Не повезло, что именно мне достался такой американский президент”, — в шутку заметил он... Вместе с тем, какая-то доля горечи чувствовалась в его словах»⁹.

Однако его «мирное наступление» (выражаясь словами Ж.Медведева)¹⁰ успехом не увенчалось. Рейган воспринял предложения Андропова либо как игру, либо как признак слабости. 8 марта 1983 Рейган назвал СССР империей зла и добавил: «Я считаю, что коммунизм — это очередная скорбная, нелепая глава человеческой истории, чьи последние страницы дописываются уже сейчас»¹¹. Тогда же Совет национальной безопасности США признал изменение общественного строя СССР приоритетной практической целью внешней политики Америки¹². Впервые с 20-х гг. США исходили из того, что это возможно. Объясняя резкий тон своих выступлений, Рейган говорил: «мне хотелось, чтобы русские знали, что я понял их систему и ее цели»¹³. Возможно, Рейган действительно считал, что примитивный образ СССР, который он рисовал в своих речах, является неким секретом советских вождей, который они прячут от всего мира и который раскрыла американская разведка. Но в любом случае президент решил игнорировать мирные инициативы СССР под предлогом их неискренности. Напротив, Рейган стремился нарушить баланс сил на новом для обеих держав направлении: «*Я вступил в должность президента со сложившимся предубеждением против нашего молчаливого согласия с Советским Союзом относительно ядерных ракет. Я имею в виду политику “взаимного уничтожения”, то есть концепцию устрашения, обеспечивающую безопасность, поскольку каждый из нас обладает мощью, способной уничтожить другого, если тот нанесет удар первым. Эта концепция... напомнила мне сценку из кино-боевиков, когда два ковбоя, стоя посредине трактира, целятся друг другу в голову. Должен быть более приемлемый путь к безопасности*»¹⁴. Исходя из этого «предубеждения», Р.Рейган решил поддержать работы по созданию принципиально нового оружия, способного наносить удары из космоса и перехватывать ядерные ракеты на старте.

В начале 1981 г. генерал Д.Грэхем, начальник группы «Воздушная гвардия», сообщил президенту об идее уничтожения вражеских ракет на подлете к США. Но только в конце 1982 г. Рейган понял, что этот проект означает новый виток гонки вооружений, который переносит ее на уровень новейших технологий. Президент принял принципиальное решение о приоритетной поддержке работ в этой области¹⁵. Вовлечение СССР в гонку новейших технологий (независимо от реальной возможности создать такие технологии в США) стало действительной целью Рейгана.

23 марта 1983 г. президент провозгласил Стратегическую оборонную инициативу (СОИ): «Позвольте мне разделить Ваши надежды на мирное будущее. Они основываются на известии о том, что мы приступаем к разработке программы, которая позволит противостоять существующей угрозе

советского ракетного нападения при помощи оборонительных мер»¹⁶. Лаборатории получили на эти работы 26 миллиардов долларов¹⁷. Одновременно были ускорены работы по созданию оборонительных систем против обычных вооружений.

«Они смертельно испугались СОИ, — вспоминает сотрудник отдела политической психологии ЦРУ А. Уайттэкер о наблюдаемой из США реакции советского руководства. — Они почувствовали себя весьма неуверенно, в прямом смысле слова, — относительно своих возможностей исследований и развития. Они очень серьезно отнеслись к нашему технологическому рывку»¹⁸. Вернее — к его имитации.

Вопреки этим тонким психологическим наблюдениям первые сообщения о планах СОИ не вызвали переполоха в Кремле. Рейган признавал, что «грандиозная техническая задача возможно не будет решена до конца столетия». Несмотря на то, что Андропов немедленно осудил американскую инициативу, в Кремле задумывались о возможности решить эту задачу первыми. Соответствующие возможности тщательно изучались¹⁹. По свидетельству академика Р. Сагдеева, СССР вел интенсивные исследования в области СОИ, стараясь держать здесь паритет. Одновременно в качестве «адекватного ответа» на СОИ усилились разработки в области генной инженерии²⁰, что в случае успеха могло привести к возникновению принципиально нового оружия, которое могло бы помочь шантажировать США.

Уже после смерти Андропова стало ясно, что создание советского СОИ в ближайшее время будет невозможно. Заявленная США революция в вооружениях предполагала масштабное развитие электроники, которое нельзя было осуществлять только в военных КБ. По данным департамента обороны США отставание СССР в этой области составляло 10 лет. То же можно было сказать об оптике, высокое качество которой было жизненно необходимо для создания нового оружия²¹. Тогда же американцы сумели создать впечатление, что они близки к решению проблемы. Несмотря на возражения академика Велихова, советское руководство склонилось к возможности американского успеха на этом направлении в ближайшее время²². В результате советские руководители стали категорическими противниками СОИ, которая теперь связывалась с перспективой обезоруживания советских стратегических сил. Лишь тогда советское руководство недвусмысленно высказалось по этому поводу: «Мы решительно против разработки широкомасштабных систем противоракетной обороны, которые не могут рассматриваться иначе как рассчитанные на безнаказанное осуществление ядерной агрессии», — говорилось в заявлении Черненко в июне 1984 г.²³

В 1983 г. Рейгану удалось провести через Конгресс программу вооружений, включавшую новые стратегические ракеты MX, бомбардировщики B-1, а также разработку нового поколения ракет и стратегических бомбардировщиков. Продолжая наращивать давление на СССР, Рейган все же стремился выглядеть миротворцем. В июле 1983 г. он послал Андропову предложение о встрече. Однако коммунистический вождь резонно заметил, что в условиях планирующегося размещения американских ракет в Европе такая встреча вряд ли могла принести какие-либо результаты. «Пока США не

приступили к размещению своих ракет в Европе, соглашение еще возможно», — писал он. По словам Андропова «мы не хотим в этом плане иметь ничего, кроме противовеса средствам, которыми располагают англичане и французы». Пытаясь убедить президента США в своих лучших намерениях, Андропов даже нарушил протокол и приписал несколько строк своей рукой: «P.S. Искренне надеюсь, господин Президент, что Вы серьезно обдумаете высказанные мною соображения и сможете откликнуться на них в конструктивном духе. Москва, Кремль. 1 августа 1983 г.». Отвечая Андропову, Рейган признал, что сознает: «Ваше предложение сократить количество ракет “СС-20” далось нелегко». Но этого, по мнению Президента, было недостаточно, так как СССР имел преимущество в баллистических ракетах, которых не было в Англии и Франции, и поэтому их ракеты можно было не принимать во внимание. И вообще «размещение в Европе “Першингов II” и крылатых ракет... не должно рассматриваться как угроза Советскому Союзу. Их единственной задачей было бы установить баланс с советскими системами, потенциально угрожающими Европе...»²⁴ Понятно, что такие аргументы, подменяющие предмет разговора, могли быть восприняты в Кремле лишь как издевательство.

Рейган также лишний раз напомнил о мотивах своего неверия в миролюбие СССР: «Сейчас у меня, как у верховного главнокомандующего, ни одна из воинских частей не находится в состоянии боевых действий»²⁵. Эти гордые слова, уязвлявшие противника в самое больное место, сохранят силу недолго — скоро американские солдаты будут погибать в Ливане и на Греции.

Пропагандистское миротворчество Рейгана плохо убеждало даже население Европы. 1983 г. стал пиком пацифистского движения в Великобритании, Италии и Западной Германии. В маршах мира участвовали сотни тысяч людей; военные базы, на которых планировалось размещение ядерного оружия, осаждались участниками гражданских движений; муниципалитеты объявляли свои города безъядерными зонами, что, конечно, могло иметь только символическое значение, но наглядно демонстрировало и участие части истеблишмента в антивоенном движении, которое все более превращалось в антиамериканское²⁶. И все же пацифисты проиграли в 80-е гг. битву за умы. «Буржуазия смогла национальные задачи поставить во главу угла...» — недовольно говорил Андропов на заседании Политбюро²⁷.

На фоне бурления страстей, охватившего Европу, СССР казался молчаливым монолитом. Но мирные инициативы Советского Союза были продиктованы не только экономическими трудностями и доброй волей руководителей. Советский Союз был в не меньшей степени, чем Западная Европа, охвачен миротворческими настроениями, хотя они и не выражались в манифестациях против военных программ СССР. Миллионы советских людей были готовы идти на любые жертвы, «лишь бы не было войны». Опыт Великой Отечественной, гигантской мясорубки, затронувшей каждую семью, опыт, воспроизведимый сотнями и тысячами литературных и кинематографических произведений, прочно вошел в народную память. Большинство жителей СССР знали, что мировая война — это самое страшное, что только

может быть. Опыт сороковых годов и советская пропаганда доказывали, что войну можно предотвратить только вооружаясь. И большинство населения готово было идти на жертвы ради этого. Но если бы тем же миллионам людей объяснили, что для сохранения мира нужно разоружаться — пусть даже это приведет к значительным издержкам — они были бы готовы идти и на эти жертвы. «Лишь бы не было войны».

На Западе бушевали антивоенные манифестации, но если сравнить вышедшие в начале 80-х гг. фильмы «На следующий день» (США) и «Письма мертвого человека» (СССР), моделирующих ядерную войну, то легко заметить различие. Американский фильм рисует страшную картину, которая чревата для главных героев серьезными неприятностями, сопоставимыми с землетрясением или другим крупным стихийным бедствием. После обмена ядерными ударами жизнь продолжается. В советском фильме реалистично показан конец света, после которого жизнь угасает. Полнценно ощутить угрозу катастрофы мог только народ, уже переживший нечто подобное, пусть и в меньших масштабах.

Победа в Отечественной войне, достигнутая ценой миллионов жизней и перенапряжением сил всего народа, была надежной прививкой для большинства жителей СССР от того, чтобы смириться с возможностью повторения. Пацифизм советского человека коренился в исторической памяти и поэтому, в конечном итоге, был неудержим. И он даже не был молчаливым (подробнее см. Главу IX).

Положение, сложившееся в мире вокруг двух сверхдержав, было во многом зеркально. Это иллюстрируют и слова Р.Рейгана: «Юрий Андропов продолжал проводить линию на обеспечение советского мирового господства, снабжая повстанцев оружием и держа в ежовых рукавицах Польшу...»²⁸ Совершенно то же самое можно было бы сказать и о самом Рейгане, заменив слова «советский» на «американский» и Польшу на Южную Корею, где в 1980 г. тоже произошли волнения, причем дошедшие до вооруженного восстания. В первой половине 80-х гг. США обильно снабжали оружием повстанцев Никарагуа.

Ю.Андропов с удовольствием пользовался этой зеркальностью. Она позволяла смягчить впечатление от советского вторжения в Афганистан в глазах западной общественности: «Вашингтон вон даже считает себя вправе судить о том, какое правительство должно быть в Никарагуа, так как это, мол, затрагивает жизненные интересы США. Но Никарагуа находится на расстоянии более тысячи километров от США, а у нас с Афганистаном протяженная общая граница», — говорил Андропов²⁹. Американский публицист Р.Даггер комментировал это высказывание: «Поддерживаемая Соединенными Штатами война за свержение правительства Никарагуа облегчила самому могущественному в мире диктаторскому режиму в Советском Союзе возможность оправдать свое вторжение в Афганистан»³⁰.

Демократический пафос речей Рейгана плохо вязался и с поддержкой террористического режима в Сальвадоре, противостоящего, впрочем, столь же террористическому партизанскому движению. Центральная Америка была последним регионом, где прокоммунистические силы еще продолжали

наступление на позиции Запада. Не случайно, что именно этот регион американское руководство решило избрать для демонстрации своей решительности. В марте 1983 г. Рейган заявил: «защита стран Карибского бассейна и Центральной Америки от марксистско-ленинского переворота является жизненно важной для нашей национальной безопасности»³¹. Международные нормы, которые США горячо защищали в 1979—1980 гг., на этот раз не брались в расчет. Важно было не увязнуть в конфликте, как неудачливые советские коллеги.

25 октября американские войска вторглись в Гренаду. Интересно, что за два года до этого в советских кинотеатрах демонстрировался фильм «На гранатовых островах», описывающий фантастическую агрессию США против островного государства. Фильм оказался провидческим за исключением одного — в жизни американцы быстро победили.

Аргументация Рейгана, оправдывавшая вторжение на Гренаду, во многом повторяла официальную советскую версию ввода войск в Афганистан: «премьер-министр Гренады Морис Бишоп... был казнен левыми путчистами, занимавшими еще более крайнюю марксистскую позицию, чем он сам... Пришедшие к власти еще более радикальные марксисты развязали на Гренаде кровавый террор против всех своих противников. Если этому не положить конец, то в недалеком будущем можно ожидать, что гренадцы и Кастро захотят распространить свой режим на соседей по карибскому морю»³².

Если верить Рейгану, именно гипотетическая агрессия Кубы (в возможность самостоятельных агрессивных действий Гренады не верил никто) заставила США нанести сокрушительный удар по острову и захватить его. В действительности удар по Гренаде должен был произвести впечатление не столько на Кубу, сколько на СССР, продемонстрировать Кремлю готовность США к самым жестким мерам в противодействии расширению советской сферы влияния. Говоря о потерях на Гренаде, Рейган утверждал, что «нам пришлось бы заплатить гораздо дороже, если бы мы позволили Советскому Союзу сохранить эту базу в Западном полушарии. Отсюда он стал бы простирать свои щупальца все дальше»³³. Но на Гренаде не было советских войск. Зато баз в Западном полушарии у СССР было достаточно — Куба находилась гораздо ближе к территории США, чем Гренада. Захват Гренады имел не военно-стратегический, а демонстрационный смысл. Через три месяца после нападения на Гренаду Рейган скажет по другому поводу: «Правительства, опирающиеся на согласие управляемых, не затевают войны со своими соседями»³⁴.

Даже западные союзники США возражали против столь очевидного пренарушения международных норм — М.Тэтчер продолжала убеждать Рейгана в необходимости отказаться от вторжения даже 25 октября (во время этого разговора Рейган так и не сообщил союзнице о том, что операция уже началась)³⁵.

Однако «grenадский эпизод» не мог заметно ухудшить отношения США и их западноевропейских союзников. Более того, осенью 1983 г. отношения партнеров по НАТО укрепились, несмотря на значительный размах антиво-

енного движения. Этому способствовали события, разыгравшиеся над советским Дальним Востоком через пять дней после очередного обращения Андропова с новыми предложениями по решению ракетной проблемы.